

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор.

ТИХИЙ СВЕТ

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу черный хлеб.

Где утро в темя дышит,
И брезжит тихий свет,
Садись, избранник свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост,
Так выглядит бессмертье,
За это первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм,
И неживых предметов,
Не суетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод,
Лишь остается верить,
До дрожи: все пройдет!

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь — благая весть, покуда в напряженье полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливость вымокших животных,

Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

БОГОМАЗ

Моления предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная с мирсотворенья.

Пусть светится от золота оклад,
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.

Левкас никак не отпускает кисть,
Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отображая перечень пророчеств.

Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

ВИДЕНИЯ

От ночных, непрочитанных бдений
Бьет в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений,
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали,
Призрак призрака драл за волосы,
Просто сытую жизнь выбирали,
Все, как мы, и сопели носы.

И над всем — ощущение озноба,
Как одели в сырое белье,
И летали на крышке от гроба,
На весы, бросив сердце мое.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведя,
Память выше — летает, как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни тупая,
Бытия указующий перст.

Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

ПРОШЛОЕ

Однажды на блошином рынке
Купил я старые ботинки,
И вытертый фотоальбом —
Страницы у него горбом.
Чужое прошлое тревожить,
Скажу: конечно, мы не можем!
К тому же и ботинки жмут —
У прошлого характер крут.
Но все же я открыл страницы,
И увидел в разводах лица
Чужих, исчезнувших людей,
Во время полное идей.
Они так жили — не тужили,
Росли, женились и дружили.
Учились. При холодных лбах,
Лежали смиреннько в гробах.
Чреда веселых детских рожниц.
Вот куплен первый «Запорожец».
И на его горбатый зад,
Семейный нависает сад.
Курсант у моря чинит шлюпку,
Цыган на снимке курит трубку,
Легкоатлет назло врагам
Глядит на стартовый наган.
А здесь, на фото, ели-пили,
Плясали, смешивая стили.
Потом уснули без прикрас,
Упав на старенький матрас.
Семейное чужое фото,
Увы, теперь листает кто-то,
Достав его из забвения.
И этот кто-то — это я!
Зачем? Понять, что время зыбко,
Что жизнь — досадная ошибка,
И в проявлении любом,
Вмещается в один альбом...

ЧЕЛН

Смолою вышитую грудь
подставил челн волне воспетой.
— Отчаянным безумен путь?
Меня не слышат, нет ответа.

А как по песне угадать
Судьбу, что пригрозила смотром,

Когда сомнений благодать
Тебя одолевает, отрок.

Где плеса выросшая весть
Шумит заботами земными,
Прибрежных трав упряма смесь,
Духмяным шепотом обнимет.

Знак зодиака невесом,
Светящиеся ставит стежки, —
Так оттолкни луну веслом,
Скользи по световой дорожке.

Плыви, молись чужой мечте,
Пьянящий страх еще не ведом.
Мечта в бездумной суете
За нами уплывает следом.

БАШНЯ

Нам достался Господь бесшабашный,
Трудоголик, водитель калек.
Вавилонскую строили башню —
Был такой у страны нацпроект.

Он стоял у корыта с цементом,
Он дразнил октябрятским значком.
Осыпалась листва позументом
И лежала природа ничком.

Шлакоблоки замешивал потом,
И пока выростала стена,
Польский спирт разбавляли компотом,
И его разливал Сатана.

Он шумерам кидал каравай,
И над ними глумился без слов.
Подъезжали к подножью трамвай,
Доставлявшие новых рабов.

Помолись в производственном цикле,
Непорочный осваивай план,
Будет солнце — серебряный сикель —
Опускаться в дырявый карман.

Так росла до небес без возврата.
Белым камнем над миром сиять
В окруженьи рабочего мата,
Языки и себя забывать.

Валерий Демидов
(г. Тула)

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОЭЗИЯ

Красотой твоей пленен,
очарован слогом искренним.
Ты в истории времен
остаешься светом Истины.

Величавость твоих чувств,
на которые способна,
я давно понять хочу
в полуночном мраке комнат.

Отделяешь плевел сор
от духовных зерен знаний
и приковываешь взор
к Вечности, что рядом с нами.

Засмеюсь. Заплачу. Вздогну.
Отмотаю время вспять
и увижу — волей рока
ты изранена опять.

Перебиты крылья бытом,
ритм не бьется с сердцем в такт.
Ты бессовестно забыта
в мире дьявольских атак.

То укрыта пледом теплым,
то на холоде дрожишь,
то заплачешь в чьи-то стекла,
то в пыли дорог лежишь...

Муза! Муза! Не оставь нас.
Бог разгонит, верю я,

стаю хищных горностаев
в скорбном мире бытия.

И среди ангелов небесных
будут витаться строки те,
что возвысились из бездны
человечьих слов и дел...

Статная. Легка походкой.
Глубок омут твоих глаз.
Ты не стала сумасбродкой,
взойдя рано на Парнас.

Будет время новых «штилей».
Новых рифм придет прибой...
Хоть нас бури жизни били,
не расстались мы с тобой.

ПОНЯТЬ ХОЧУ

(Из серии «Времена коронавируса»)

Понять хочу, что за напасть
на нас сегодня навалилась?
Бесчинствует в России власть,
безмолвствует народа сила.

А ведь не сразу мы пришли
к такому, братья, положенью,—
как стадо долго нас вели
к полям последнего сраженья.

Мы заменили веры суть
неверьем сытого блаженства,
но ведь не вещи нас спасут,
а дух Христова совершенства.

Нам маски закрывают рот,
сказать не можем слова правды...
Очнись, запуганный народ,
прорвись из цифровой ограды!

Все больше давят нас налоги,
звучит бессовестная ложь
о том, что строятся дороги,
что быт уже с Европой схож,

что жить намного лучше стали,
что сброшен брежневский застой
и осужден товарищ Сталин
за лагеря под Воркутой...

Хоть слышатся повсюду стоны,
народ в терпении своем
подобен тихим водам Дона,
спит, околдованный враньем.

Все больше в зомби превращает
нас телевизора экран
и то, что он для нас вещает,—
спектакль, где лживая игра...

Не надо этот мир менять —
самим бы лучше измениться,
свои грехи умом понять,
найти в душе добра частицы.

Есть все хорошее от Бога
в сознание каждого из нас,
но ищем мы ответы в блогах
и верим громким именам,

в молитвах тихих не страдаем,
не просим Господа о том,
чтоб рядом ангелы летали
и говорили о святом...

Понять хочу, когда настанет
иная жизнь в моей стране,
когда свой блуд народ оставит
и плюнет в морду сатане.

Понять хочу, какая сила
должна родиться свыше в нас,
чтобы она остановила
поток греховных метастаз?

И пусть пока я знаю мало,
но верю, что ответы все
там получу, где начиналась
земная жизнь в ее красе.

Ни ад, ни райский сад Эдемский
нам не знакомы в жизни сей,
но дорог Хлев тот Вифлеемский,
в котором Истины музей...

Как трудно нам себя понять!
Ищу я вас — Любовь и Вера.
О, Дух Святой, вселись в меня,
изгнав влиянье Люцифера.

ПРАВДА О ЛЖИ

(Маленькая поэма о большом явлении)

*«В болтливости скрывается ложь,
а ложь, как известно,
есть мать всех пороков».*

М. Е. Салтыков-Щедрин

Не будем лгать,
когда солгать есть повод,
не станем сеять семена греха,
и оправдания:
«Что же здесь такого?» —
не пожелаем снова услышать.

Рождает ложь
себе в обмане равных,
в ней ген бесчестья и вражды живет.
Есть в каждой лжи
частичка голой правды,
но редко кто ту правду узнает.

Почти всегда
бывает ложь красива,
в ней нет сомнений и тревожных нот.
Ложь обладает
внутреннею силой
и может сделать все наоборот.

Чем больше слов,
тем меньше доля правды,
и всякий раз, встречая чью-то ложь,
мы многословью
этому не рады,
коль понимаем, что цена ей — грош.

Подчас смешно
вранье слепое слушать,
поскольку знаем правду на сей счет.
Ложь разъедает,
будто язва, души
и хочет что-то высказать еще.

Она повсюду:
в бойком Интернете,
среди коллег на службе и в быту,
подвластны ей
и взрослые, и дети...
Ложь выдают за смелую мечту,

ложь убивает
истину и правду,

она способна привлекать к себе.
Есть что-то в ней
сродни дождям и граду,
камням в траве, сокрытым при косьбе.

Ложь и коварство —
главный удел трусов,
и даже малой лжи хватает там,
где погибает
от ее укусов
любовь мужчин и прелесть наших дам.

Ложь — как змея,
к чужим умам крадется,
она способна мысли поменять.
Как от огня
дым стелется и вьется,
так обвиняет чья-то ложь меня.

Мы лжем другим,
но, безусловно, чаще
мы лжем себе, пытаясь обрести
то состоянье
радости и счастья,
с которым легче трудности пройти.

Чем больше ложь,
тем легче мы ей верим.
Она всегда шагает впереди,
своим крикливым,
пышным лицемерьем
способна чью-то жизнь разбередить...

Ложь ненавидит
искренность и смелость —
ей по душе угодливость и страх,
и юношей
безусая незрелость,
и мягкотелость, терпящие крах.

Ломает ложь
служебные карьеры,
от Бога нас уводит в мир греха.
Не знает ложь
ни края и ни меры...
Всю суть ее не выразить в стихах...

Одно хотел бы
я иметь сужденье:
молчи, коль правду не сумел сказать.
Ложь — сатаны
оружье, наважденье,
грязь, где нам долго, видимо, лежать...

РОДНИКОВЫЙ ЯЗЫК

(Есть ли тайна у русского слова?)

«От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься»

Матф. 12:36—37

Тайна есть у слова русского —
этим словом жив народ.
Ни с французским и ни с прусским
не сравнить славянский род.

Бог есть Слово. Отсвет Неба
в речи той, где брани нет.
Словом Бог нам на потребу
сотворил весь белый свет.

И язык наш — русский, дивный —
потому-то и хорош,
что в нем мало паутины
и назойливых порош.

Он могуч, красив и ярк,
с явной долей озорства,
без кокетства и фигляра,
даже с тенью волшебства.

В нем и творчества возможность,
и гранит законных прав,
дух свободы и надежность,
сила мысли и игра...

Слово — это песня мамы,
от отца в судьбе наказ,
сказка бабушки, корнями
уходящая в века.

Как язык, таким же точно
предстает и весь народ,—
коль язык людской порочен,
то порочен и весь род.

Много праведного света
в языке святых отцов,
и на все для нас ответы
в откровеньях мудрецов.

Удивительный источник
есть в евангельских строках,
и хранит нас дни и ночи
Иисусова рука...

Слово ранит, убивает,
воскрешает дух и плоть,
в каждом деле помогает
слабость с ленью побороть.

Русь Святая! Словом громким
поднималась ты на бой,
шла с бедой по самой кромке
и гордился мир тобой.

Языком исконно русским
воспевал народ в стихах
красоту холмов и спусков,
тихих речек берега.

Не бездушно расточали
летописцы реки слов,
а старательно ночами
побеждали правдой зло...

Есть ли тайна в русском слове?
Есть! Грехам ведь вопреки
Русь писала свою повесть
по-мужицки, по-людски.

И хотя душа молчала,
не умея говорить,
от нее шли все начала,
чтоб добро боготворить.

И в таинственном сплетенье
двух начал — Христа и речи —
появлялось провиденье
о великом, человечьем...

Это вот «самостоянье»
человеков в мире грешном
с русским словом покаянья
Богом принято неспешно.

Не уйдет русскоязычье,
коли сны с природой видим,
коли слышим пенье птичье,
не рождаем зло в обиде.

В черном слове гибнут души.
В светлых звуках жизни дар.
Пусть же речь прольется в уши
и журчит нам, как вода.

И в молитвах пусть, и в столах,
в разнопевье языка

слышится любовь Христова
до тех пор, живем пока.

СТАРЫЙ ИНОК

Ветхий дом
покосился и вымок
от холодных осенних дождей.
Здесь, в лесу,
живет старенький инок —
одинок, без жены и детей.

Ранним утром
зимою и летом
он встает, чтобы снова сказать:
«Слава Богу!
Во времечко это
помолюсь я Твоим образам».

На колени
падет пред иконами
и, крестом осеняя себя,
многочисленными
поклонами
очищает наш мир в скорбях.

В тишине
каждый шорох он слышит,
видит то,
что не видим мы,
знает, чем наша совесть дышит
и чем заняты наши умы.

На себя
принимая те боли,
что испытывает народ,
он сознательно
и добровольно
ему душу свою отдает.

Только люди
не знают об этом,
утопая в мирской суете,
мир духовный
многим неведом,
как и муки Христа на кресте,—

есть другие
дела и заботы,
занимающие их плоть,
все торопятся
в лучшие годы
накопить, пошалить, побороть...

В ветхом доме
горят лишь свечи,
да печурка дровами гудит.
Здесь молитвами
каждый вечер
защищает нас инок один...

Я НЕ СВЯТОЙ...

Я не святой.
Угрюмый и застенчивый.
Мне кажется, что и живу не так,
и мысли мои
часто переменчивы,
и быт мой поглотила суета.

Ищу вокруг
приветливые лица.
Себя стыжу — во многом виноват,
и понимаю,
что давно уж длится
период грешных мыслей и бравад.

Итожить то,
что было за плечами,
давно пора, но этой жизни суть
не любит
откровений и печалей,
которые я в памяти несу.

Открыться в том,
что только мне известно,
так хочется подчас перед людьми,
но я скрываю
чувств душевных бездну,
в которую ввергает этот мир.

И лишь в природе
вижу упоение
спасительной энергией любви —
здесь место
очищения и забвения,
здесь кающихся Бог благословит.

Мне святости
найти бы хоть частичку,
грехи отбросить, как ненужный груз,
но быт земной
упрям и фанатичен,
не прекращает хитрую игру.

Видать, не может
человечья воля
то изменить, что дьявольской рукой
незримо в нас
страданиями и болью
рождается по силе колдовской...

Я не святой.
Я грешник в мире этом.
И каюсь в том, чем Бога огорчил.
Зима пройдет,
а за зимою лето,
но для сомнений нет уже причин,—

когда Господь
в душе и в наших мыслях,
когда по Слову Божьему живем,
становимся
непобедимы мы с Ним,
в Ковчеге Его Истины плывем.

КАК ХОРОШО, ЧТО Я ТАМ БЫЛ

Мест красивых
в России немало,
я хотел бы везде побывать,—
там, в Тамбове,
родилась где мама,
там, в Смоленске, откуда мой батя.

А еще мной
любима Тула
и окрестности тульских мест,—
здесь немало
моих минуло
лет по схеме «приезд-отъезд».

Жизнь мотала
меня изрядно
по поселкам и городам,
но люблю я
их безоглядно,
видел много радостей там.

Край одоевский
прошлым дышит,
в нем и ныне — историй клад...
Край арсеньевский
тоже слышит,
как над ним времена шумят...

Жаль, лесами
ходил не всеми,
в деревнях не во всех бывал
я, считавший,
что будет время
вновь короткий сделать привал.

Но судьба
моя дальше мчится:
то в Москву, то на Дальний Восток,
и смешались
уже все лица,
седина легла на висок.

И теперь
всей душой понимаю,
что частенько глупым бывал,
не ценил
ни поля с урожаем,
ни в сарае тугой сеновал.

Все казалось
обыденно, просто:
в речке — рыба, в лесах — грибы,
и могилы родных
на погостах,
и веселый дымок из трубы,

а кудахтанье
кур на насесте
и шипение важных гусей
не считал я
непонятой вестью
птичьей братии
к живности всей...

Как я рад,
что во мне сохранилось
все, что пенилось белым весной,
что под солнцем
зимою искрилось
и что летом влекло новизной!

Хорошо,
что я разное видел:
как пастух выгоняет коров,
как доярки
в неприбранном виде
чуть светает — уже за порог.

Тем горжусь,
что бывал на мехстане,

на комбайнах различных сидел
и хвалил
повариху тетя Таню
за веселые байки к еде.

Видел я
в просторечии мудрость,
понимал непосредственность лиц,
и частенько
в крестьянское утро
выпивал по десятку яиц.

Мне теперь
без сомнений понятно,
что ухабистость сельских дорог
иномаркам чужим
неприятна,
людям тем, от земли кто далек.

Родниковой
водицей умыться
мне важней, чем водой городской...
Вновь деревня
пусть тульская снится
или край небольшой костромской...

Андрей Ребров
(г. Санкт-Петербург)

БОРОДИНО ЛИСТА
Стихотворения разных лет
К 60-летию со дня рождения

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях оказало большое влияние на его произведения. Секретарь СП России, действ. член ИППО. Лауреат всероссийских лит. премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и гос. награды. Гл. редактор журнала «Родная Ладога».

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

* * *

Поветшала скитская дубрава,
Понищала одеждами народ.
Лишь церковей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их
ты спешишь.

Века и природы увяданье —
Время для спасения души.

БЕРЕЗЫ

Отгарились осенние грозы
И забрезжались в ясной дали
Столь привычные взору березы —
Златокрылые светы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

Сергей Даштамиров
(п. Каменоломни, Ростовская область)

ПАЛИТРА ЖИЗНИ
(Венок сонетов)

Наш постоянный автор.

1

Как наша жизнь полна противоречий!
Того понять нам не дано, пока
Еще мы пьем дыханье ветерка,
И солнца луч ласкает нежно плечи.

Не ценим слез разлук и радость встречи,
Парим в мечтах, взирая в облака,
Даем присягу — на сердце рука! —
Но клятвы верности недолговечны.

Как горы тайнства полны и властны!
В своем величье как они горды!
А девушка с кувшином у воды —
Стройна, скромна, печальна и несчастна.

И вижу в ней знакомый образ я:
Склонилась ива скорбно у ручья...

2

Склонилась ива скорбно у ручья.
(Как хочется ее очеловечить!)
И ветви опустила, словно плечи,
Как женщина — забытая, ничья...

Убитых горем многих видел я.
И пусть твердят иные: время лечит —
В церквах мерцают памятные свечи,
И жалит боль — гремучая змея.

Под солнцем ярким блещут купола,
И слух пленен мой звоном благовеста;
У входа в храм счастливая невеста:
Как яблонька в цвету — нежна, светла.

В поток роняет ивушка печаль,
А он бежит, приветливо журча.

3

А он бежит, приветливо журча,
Ворочает, сдвигает камни грозно,
То брызгами обдаст вас, то серьезно
Вновь загремит — в нем удаль силача!

Но кто из нас, друзья, не замечал
Те юноши невинные забавы?
Ни почестей не жаждет он, ни славы —
Ну а любовь не требует врача!

Своих он сил не ведает пока,
Седой валун учтиво обтекает.
Он просто молод! Читит и уважает —
Как повелось, как должно — старика!

Бежит ручей — а птицы вслед щебечут —
Безудержен, судьбе своей навстречу.

4

Безудержен, судьбе своей навстречу
Стремится он, не ведая преград;
Он любит жизнь, он ей беспечно рад!
Не знает: этот путь не бесконечен.

Взвалил рюкзак решительно на плечи,
Куда идти — не мучает вопрос!
Не лгал когда б синоптиков прогноз —
К концу пути и ноша стала б легче.

Грохочет гром, и молнии мечами
Насквозь грозятся путника пронзить;
К нему стрелою огненная нить —
А он идет, грозы не замечая...

Тот парень — не мое ли повторенье?
Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье.

5

Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье;
Легка походка, верен шаг его,
И взгляд искрится паренька живой:
Он знает цель, и в сердце нет сомненья!

Здесь звонким ямбом выложены звенья
Стихов венка сонетов моего:

Не знаю ярче света ничего,
Чем тот, что нам дает любви свеченье.

Сияньем этим путник озарен.
Увы, где ярче свет, там тень темней! —
Но кто же в счастье думает о ней?!
А мой двойник — он счастлив и влюблен.

Любовью пьян, в плену сладчайших грез —
Не видит ивы серебристых слез.

6

Не видит ивы серебристых слез
Тот, кто своих не испытал страданий,
Разрухи, голода не знал; в изгнанье
С тоской не вспоминал родных берез.

Но разве в том единственный вопрос,
И это ли достойно порицанья,
Когда страна сдана на растерзанье,
Когда в умах и в душах перекос?

Мне больно видеть; я страдаю вновь
От зарева кровавого заката,
От мысли, что готовы брат на брата
Идти опять, пролить родную кровь.

Я эту боль сложней бы перенес
Чужой беды, не принятой всерьез.

7

Чужой беды, не принятой всерьез,
Я каюсь: юн был и не смог заметить,
Но за грехи не побоюсь ответить,
Когда Всевышний мне предъявит спрос.

Лишь слабого удел страшиться гроз.
Как пилигрим — а с кем его сравню я? —
Бежит ручей, волной волну волнуя:
Близка уж цель — желанный виден плес!

Он старых русл сухих минует редко,
Как странник тот, хранит он посох свой:
Причудливый надрез коры земной —
Иссохший след ушедших в землю предков.

В пути он твердо держит направление —
В нем буйство чувств, стремительно теченье.

8

В нем буйство чувств, стремительно теченье,
И грозно пенится, кипит струя,
Но в мощи этой, в бешенстве ручья
Я новой жизни вижу зарожденье!

Как мысли яркой, важному решению,
Схожденью Благодатного Огня,
Ей не могу не радоваться я —
Поет душа, безгрешны побужденья.

И этой светлой музыкой дыша,
Стремлюсь для вас сплести венок сонетов:
Труд не простой для опытных поэтов —
Я буду делать это неспеша.

Межзвездный росчерк — вспыхнула комета!
А здесь художник с кистью у мольберта.

9

А здесь художник с кистью у мольберта.
Застывшей музыкой — его пейзаж:
Кому-то «классика», кому-то «джаз» —
Но все пропитано лучами света.

Свечение «природного портрета»
Ласкает душу, радует нам глаз;
Теперь настал момент спросить у вас:
Сродни ль, друзья, художники поэтам?

Приятель! Мысль сакральную озвучь!
Ручей — романтик, он поэт бесспорно;
Несет поток стремительно и споро,
С его волной играет яркий луч —

Он, солнечный — с маэстро заодно —
Кладет мазок к мазку на полотно.

10

Кладет мазок к мазку на полотно.
Не достает порою вдохновенья:
Художнику поможет озаренье —
Но повторить Творца не суждено!

Я тоже увлечен был, но давно,
Смешеньем красок, светом, бликом, тенью,
Но понял: без таланта — все мученье;
К тому же жизнь богаче все равно.

А жизнь — что карнавал, где много масок;
Там нелегко, под маскою, понять:
Тебе семнадцать или двадцать пять —
Там музыка гремит, там буйство красок!

Все в красочный восторг погружено.
О, как ярка палитра жизни! Но...

11

О, как ярка палитра жизни! Но..
Внимательнее к ней бы присмотреться.
Чувствительнее взгляда только сердце —
Оно подскажет, что судьбой дано.

Любовь — мускатно-пряное вино;
На вкус напитки разные бывают,
А жизнь театром часто называют —
Не так в ней, как в спектакле, как в кино.

Подмостки... рампа — я плохой актер!
Но гложет мысль меня: играю так ли?
Свою ли роль? В каком чужом спектакле?
Кто в этом балагане режиссер?

Предстанет память старой кинолентой —
Порой лишь два в ней различимы цвета.

12

Порой лишь два в ней различимы цвета.
Когда тебе не мил весь белый свет,
Когда душе больной покоя нет,
То кажется, что в жизни нет просвета.

Пусть слез полна подушка до рассвета,
Не унывай! — мой дружеский совет —
Иссохнут слезы, ты найдешь ответ
В стихах священных Нового Завета.

Зажги свечу, и пламя не скрывай,
Оно пусть ярче весь твой дом осветит;
Прекрасна жизнь на голубой планете —
С надеждой утро каждое встречай!

Рождение дня вещает солнце ало.
Невеста в белом: так всегда бывало.

13

Невеста в белом: так всегда бывало.
Не лилии — ромашке полевой
Скорей откроем сердце мы порой,
Когда надежда душу истерзала.

Когда же немощь к ложу приковала,
Как жаждем мы, чтоб человек родной
Чела коснулся любящей рукой,
В последний раз чтоб выдохнуть устало.

Не нужно пышных фраз и горьких слез.
Мне верную оценку даст Всевышний;
Мой сущий дух круг сделает над крышей,
Чтобы полет продолжить среди звезд.

Светило в полдень белого накала,
А скорбь вдовы — под черным покрывалом.

14

А скорбь вдовы — под черным покрывалом.
Ее никто не держит напоказ:
Ни Волги дочь, ни та, чей дом Кавказ —
По всей России страждущих немало.

Как от потерь Русь-матушка устала!
За что так Бог испытывает нас,
И женщины из воспаленных глаз
Роняют слезы тяжелей металла?

А в храме — то поют за упокой,
То вновь обряд крещения справляют,
Огни под образами зажигают —
Мы все хранимы Божею рукой.

Но вдруг! — то вспыхнут, то погаснут свечи —
Как наша жизнь полна противоречий.

15

Как наша жизнь полна противоречий.
Склонилась ива скорбно у ручья,
А он бежит, приветливо журча,
Безудержен — судьбе своей навстречу.

Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье.
Не видит ивы серебристых слез —
Чужой беды, не принятой всерьез.
В нем буйство чувств, стремительно течение.

А здесь художник с кистью у мольберта
Кладет мазок к мазку на полотно.
О, как ярка палитра жизни! Но...
Порой лишь два в ней различимы цвета.

Невеста в белом: так всегда бывало,
А скорбь вдовы — под черным покрывалом.

Константин Емельянов

(г. Александрия, штат Вирджиния, США)

СТИХИ РОЖДАЮТСЯ, КАК ДЕТИ...

Родился в г. Алма-Ате, Казахстан, в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского госуниверситета в 1989 году. Стихи печатались в журналах России, Германии, Финляндии и США.

ЛЕДЯНЫЕ ХОЛОДА

Воздух из стекла и стали,
С неба падает звезда.
Вот такие вдруг настали
Ледяные холода.

Я сижу ни стар, ни молод,
Изо рта клубится пар,
А в окно стучится холод —
Предлагает свой товар.

Ветер плачет, ветер воет,
Дождь и снег идут стеной.
Все стеклом опять покроет
Этот холод вековой.

Попритихли где-то птицы,
Им опять не повезло:
Холодами расплатиться
За июньское тепло.

Небеса молчат слепые,
И как будто навсегда,
Нас накрыли ледяные,
Серебристы холода.

РИФМЫ

Ни кола, ни двора
На чужой стороне,
Только блески костра
Пусть останутся мне.

Разбросали поленья
По мокрой траве —
Будто рифмы в строфе.
А поленья костра
Очень быстро горят,
От цветного шатра
Ярко искры летят.
И спускаются в землю
По тонкому рву —
Будто рифмы в строфу.

Виктор Евдокимов
(г. Торонто, Канада)

Виктор Николаевич Евдокимов родился в Ленинграде. Детство и школьные годы провел в Феодосии в Крыму. Получил диплом инженера-механика в Тульском государственном университете в России. Уже двадцать лет живет в Канаде. Стал известным в академическом мире писателем, автором четырех монографий по истории денежного обращения города Каффы в Крыму в 13—15 веках. Пишет стихи. Лауреат литературных конкурсов.

* * *

Я споткнулся на ровном месте, в который раз.
Точно, точно. Все так и было. Не в бровь, а в глаз.

Под ногами не видно кочек — сплошная гладь.
Если нет. Ничего не видно — как можно узнать?

Но всегда. Я заметил. Точно. И в этот раз.
Появлялась в окне девчонка. Красотою, как на показ.

И нога, вдруг, моя сгибалась — тянуло вбок.
Будто кто-то, подставив ногу, к земле увлек.

Улыбался улыбкой глупой. Я слышал смех.
На красу засмотреться, о, Боже, совсем не грех.

* * *

Восковые свечи. Матовый огонь.
В пламени я вижу: скачет красный конь.

Грива распушилась пылью золотой.
Крутит, быстро машет блестящей головой.

Фитиль спиралью вьется, светит чернотой.
В прыжке конь задевает край свечи восковой.

Воск горячий брызнул, пролился и застыл.
От него кусочек я пальцем отломил.

Конь остановился и встал вдруг на дыбы.
Ему кусочек бросил восковой травы.

Заметалось пламя пылью золотой —
Расцветило стены утренней зарей.

И с души моей испарилась цвель,
Что на ней оставила зимняя метель.

МЫШКА

Плинтус в углу. За ним темная дверка.
Чуть приоткрыта, как табакерка.

Встал на колени. Открылась беззвучно.
Здесь приключение — не будет мне скучно.

Голову ниже. В огнях видна зала.
Прямо как в сказке, что мама читала.

Свечи. Рояль. За ним белая мышка.
Ноты видны — полосатая книжка.

Рядом мышонок играет на скрипке.
Мышка довольна — сужу по улыбке.

Пол под коленкой скрипнул легонько.
Мышка взглянула. Мне стало неловко.

К двери подошла. Покачала головкой.
Хлопнула дверца с засовом-иголкой.

Никита Рыжих
(Украина)

Победитель международного конкурса «Искусство против наркотиков», бронзовый призер фестивалей поэзии «Собака Керуака» и «Капитановый дом», лауреат ряда конкурсов.

* * *

Меня зовут Григорий, я чернец.
Где и когда мне пищей стало море,
А страстью — ветром посланный венец?

До дна, до дна — пусть в чаше этой горе —
Но все равно мне хочется отпить,
Ведь в горле целый ком сухой досады,
И сердце бьется сильно, словно нить
Оно порвется, видимо, однажды.

Меня зовут Григорий, Божий хлыст
Влечет не плоть — души моей частицы.
Скорее, я очищен, а не чист
В момент восхода пламенной денницы...

* * *

Сей трудный путь пройдя до половины,
Не умер я, а превратился в пыль,
Ту, из которой боги — исполины
Тихонько прорастают в нашу быль.

Зима. Мороз. Гул леса величавый.
Быть может, величав машины гул?
...Итак, я умер. Бейте барабаны
И снегом покрывайте мой аул.

Вдруг, пепел — снег? Вдруг, я — всего снежинка?
Вдруг, облако — минервы пьяный глаз?
Мани меня к себе, сыра тропинка —
Я волокусь с тобой, как рьяный газ.

Господний путь пройдя до половины,
Узрел я: предо мной растет тропа
В далекие миры, где нету домовины,
Где не нужна телесная стопа...

* * *

Нас ровно шесть —
Летящих альбатросов,
А вам не счесть
Ни моряков, ни тросов,

Но смысла нет
В походах дальних диких,
Весь белый свет
Не зарастет клубникой.

И целый мир
Не будет подконтролен,
Ни вам эмир,
Ни вам имперский воин,

А как же честь?
Вы спросите и косо

Посмотрите нам вслед,
Летящим без побед...

Нас ровно шесть —
Летящих альбатросов...

Марина Фомина
(г. Тула)

Пишет стихи, прозу. Издала два поэтических сборника: «День равноденствия» и «Пусть будет в вашей жизни волшебство...»; книгу сказок «Сказки Леди Махаон» и краеведческие сборники о Тульской земле: «Небесный покровитель», «В поисках озера Байкал» и «Портрет на фоне усадьбы».

* * *

Спелым золотом колоса,
Медью сильного голоса
Сталью духа мятежного,
Снежного дня серебром,
Бронзой подвига ратного,
Звоном доспеха булатного,
Ртутью крови пылающей
Полон был пламенный горн.

В недрах планеты родившийся,
Мощью металла налившийся,
К роли великой готовился
Сей титанический сплав.
Силою неудержимую,
Разумом непостижимую,
Вырвался в поле истории
Дух вулканических лав.

Он на просторы бескрайние,
В степи, леса неприкаянные
Вынес и мудрость глубокую,
И вдохновенную грусть,
Гордость, отвагу великую
И необузданность дикую —
Силой небесной крещеную
Благословенную Русь.

ДОРОГА К ХРАМУ

Есть храмы. И дороги к ним
Бегут широкой лентой быстрой.
Над ними — солнца яркий нимб
И небосвода купол чистый,

Где ветер гонит облака —
Святые ангельские стаи.
Там поступь путника легка,
И благодать над ним витает.

Есть храмы. И дороги к ним
И многолюдны, и тернисты,
Через туман и едкий дым
Ползут по склонам каменистым.
Там грозный ураган ревет
Дождливым днем, холодной ночью,
И ветер беспощадно рвет
С паломников одежды клочья.

И кровь, тяжелая, как ртуть,
Из жил уходит грамм за граммом...
И это — тот же самый путь
К одним и тем же светлым храмам.
Их камни кажутся немые,
Но в том молчанье — суть ответа:
Кто слеп — для тех довольно тьмы,
Кто хочет видеть — вдоволь света.

* * *

Праздник середины лета:
Утро раннее, восход,
Солнце золотистой лентой
Прочертило горизонт.
Первыми проснулись птицы,
Распеваются в гнезде.
Чтоб умыться и напиться,
Травы тянутся к воде.
Ива, расплетая пряди,
Удивленно смотрит вниз:
На озерной тихой глади
Новый выставлен сервиз.
В чайных чашках белых лилий
Пряный плещется отвар:
То дожди вчера налили
Сладкий липовый нектар.
Вот прозрачную пушинкой
Прилетела стрекоза,
Ей на блюдечке кувшинки
Приготовлена роса.
Днем лягушки заглянули,
Стайка уток приплыла,
И пятнистые косули
Посидели у стола.
Никому не будет тесно
В жаркий полдень у воды,
Всем в тенечке хватит места,
И напитков, и еды.

Солнце прячется за прудом.
Стихли звуки, меркнет свет.
Вечер. Вымыта посуда,
Чашки убраны в буфет.
Завтра будет продолженье
Посиделок, а пока
Только звезды в отраженье,
Словно крошки пирога.

ЧЕРЕМУХА

Весенних свадеб торжество,
Шитье и кружево наряда.
Как жаль, венчального обряда
Недолговечно волшебство.

Вуаль душистых лепестков,
Кружа, с черемухи слетает —
Так бережно жених снимает
С невесты свадебный покров.

И вот уж буднично скромна
Супругою в платке зеленом
Со взором, зноем опаленным,
Встречает каждый день она.

От черной к белой полосе
Жизнь потечет привычной гладью.
Но вдруг блеснет янтарной прядью
Нить лета бабьего в косе.

То яркий, но короткий миг.
Увы, за ним еще скорее
Тень неизбежного старенья
Покроет утомленный лик.

От холода застынет сок,
Редя, старческая крона
Стряхнет и под ноги уронит
Последний высохший листок...

Но все — потом. Сейчас же сад
И лес — весь мир благоухают,
А я, блаженствуя, вдыхаю
Черемух терпкий аромат.

Как гость на свадебном пиру,
Я пью хмельной нектар цветенья,
Ведь ради этого мгновенья,
Быть может, только и живу.

Марина Юрченко
(Казахстан, ВКО, г. Павлодар)

Родилась в Семипалатинске. Живет в Павлодаре. Окончила Павлодарский педагогический колледж, факультет журналистики Казахского Национального государственного университета имени Аль-Фараби, аспирантуру по специальности «Журналистика». Стихи писала в детстве и в юности, позже вернулась к этому занятию.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР. НАЗНАЧЬТЕ МНЕ В КАПЛЯХ ВЕСНУ!

Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях весну!
Мне не хватает весенней живительной влаги,
всплеска внезапных стихов на обрывках бумаги,
первой грозы, от которой не клонит ко сну.
Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях любовь!
Просто без памяти, напрочь мне нужно влюбиться.
Вдребезги память, пусть сердце взлетит голубицей,
вдаль устремляясь, врываясь в зовущую новь.
Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях чудес!
Нужно предельно большую принять дозировку.
Нет, не помогут уколы, а только страховка —
в случае, если под ребра поселится бес.
Здравствуйте, доктор. Стихи пропишите опять
самого мудрого, лучшего в мире поэта!
Чтобы я нежно любила на свете все это,
Вы мне назначьте, а я... побегу покупать...

ПУСТЯКИ

Уходит жизнь по пустыкам:
сказал не то, искал не там,
служил не тем, пригрел не тех...
Не лечит плач. Не греет смех.
Не звучен гром. Не хмелен ром.
Идет весна с пустым ведром —
о, как серьезные, вопреки
размеру, эти пустыки.

А я... Еще ведь помню я,
как шла за острые края,
летала в мерзлых облаках,

сгорала в пламенных строках,
метала бисер, жгла мосты,
рвала и дружбы, и холсты,
и, споря с ним про «тьень осла»,
одна любовь свою несла.

А нынче, видно, неспроста
дивится лени тень листа:
напрасно ждет неробких слов,
не сотрясающих основ.
Любовь ушла? Ушла легко?
Любовь ушла недалеко!
Люблю! И этот пусячок
сверкает в небе — и молчок...

НА ВОСТОКЕ

На востоке, на родине солнца,
в непрестанно палящих лучах
счастлив тот, кто последним смеется
после битвы на острых мечах.
На востоке, поодаль от Мекки,
сохранились дворцы Гранд Палас,
возведенные в бронзовом веке,
только можно в них жить и сейчас.
На востоке, на родине рикши,
тенью прошлого бродит ишак.
Там скромнее других нувориши,
а бедняк ходит гордый, как шах.
На востоке, на родине пери,
любят ласковых трепетных жен,
могут драться за них, будто звери,
и без усталости лезть на рожон.
На востоке, на родине Бога,
богохульствует лишь идиот.
Ну а солнце покружит немного —
и опять на востоке взойдет...

Александр Гаммер
(Казахстан, ВКО, г. Павлодар)

Родился в 1972 году в Павлодарской области. В 1999 закончил педагогический ВУЗ, пять лет учительствовал, затем десять лет работал журналистом на телеканале. Был автором и ведущим итоговой информационно-аналитической программы. Стихи писать начал еще в детстве. Печатается в литературных журналах Казахстана и России, участвовал в нескольких поэтических сборниках.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ РАДОСТЬ, ВИНОГРАДНАЯ ГРУСТЬ

Помнишь ночь на поляне, на дикой?
Мир огромный, один на двоих,
Перезрелой лесной земляникой
Пахли алые губы твои.

Медуницы и мяты помятость...
Жаль, обратно туда не вернусь.
Ты — моя земляничная радость,
Ты — моя виноградная грусть.

Бог любви все сомнения выжег,
Словно взрыв, до пожара в крови.
Мы учились без фильмов и книжек
Колдовскому искусству любви.

Тех мгновений сакральная святость!
Много лет пролетело — и пусть!
Ты — моя горьковатая сладость,
Ты — моя сладковатая грусть.

В ПЛЕНУ ЗЕРКАЛЬНЫХ ОТРАЖЕНИЙ

Промокший город — тонущий «Титаник»,
Огонь в камине, теплое вино
И крутит полковой киномеханик
Немое черно-белое кино.

Рябит в порывах северного ветра.
И капли, что до дрожи холодны.
Вмещает миллионы километров
Экран миллиметровой толщины.

Механика отточенных движений
Игральных карт, помеченных крестом.
Живут в плену зеркальных отражений,
Быть может, и не ведая о том.

Куда-то все спешат в осенних лужах
По улицам пустого городка,
Зонтами разноцветными утюжа
Тяжелые седые облака.

Динамика немых изображений,
За кадром кадр...
А может быть и я
Блуждаю в лабиринте отражений,
В котором вечно вертится Земля.

БЕРЕЗОВОГО СОКА ПОЛГЛОТКА

О чем мечтал?
Пока рассвет в тумане
Отбросить все, нырнуть в ночную мглу,
Собрать мешок несбыточных желаний,
Веревкой приторочить их к седлу.
Мечты, мечты...
И все они за гранью,
Пустынная дорога далека.
В каком краю рассыпались желанья
С порядком похудевшего мешка?
А что осталось в нищенской поклаже?
Большой стакан парного молока,
Сушенный цвет лекарственных ромашек,
Березового сока полглотка.
Давно уж нет того идеалиста...
Как жалко, не воротишь время вспять.
Вдохнуть бы аромат весенних листьев!
А дальше?
Дальше можно не дышать.

БРОДЯЧИЙ СКРИПАЧ

Ветви — что руки-плети.
В городе в ранний час
Бродит осенний ветер
Или играют джаз.
Будто бы так и надо —
Слабый, протяжный стон,
Или звенит стаккато,
Или хрустальный звон.
Ноты — шуршит бумага,
Поздний рассвет зардел.
Бродит скрипач-бродяга,
Вечность — его предел.
Так провожает лето
Ветер, малыш-шалун,
Дрожью упругих веток
Или же нервов-струн.

Александр Ланцов

(с. Нивны Арсеньевского района Тульской области)

Родился в 1953 году в селе Нивны Арсеньевского района Тульской области. Образование высшее. Награжден памятной медалью Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы — 2018». Лауреат литературного конкурса «За волю и любовь к жизни», победитель конкурса в группе «Поэзия Примиусья». Лауреат первого Всероссийского конкурса «Стихия Пегаса».

* * *

*Посвящаю Тимохину Василию Яковлевичу,
чьи останки покоятся в братском захоронении № 22
в поселке Красный Арсеньевского района
Тульской области.*

Расскажу о Тимошке.
Он в бою был не Бог,
Но зато на гармошке
Сбавать «барыню» мог.
Собирались солдаты
Под аккордов поток.
Обхватив автоматы:
«Поиграй нам, браток!»
Ночь и чистое поле,
Мы уже не поем,
Нас вчера было трое,
А сегодня — вдвоем.
Лишь гармошка на полке.
Он же с криком «Ура!»
В битве в Красном поселке
Лег навечно вчера.

* * *

Ничего нет в селе, кроме крика вороньего.
Горький запах полыни, разрушенный храм,
И погост, а на нем мое детство схоронено,
Дом родимый с глазницами выбитых рам.
Улететь бы на юг с перелетными птицами...
Но милее мне горькая наша полынь
И знакомые женщины с милыми лицами —
Наша стужа теплей, чем чужая теплынь!
Я иду и балдею от крика вороньего,
Загребаю ногами листья лопухов,
Терпкий запах вдыхаю навоза коровьего,
Очищающий душу от смертных грехов.

ОСЕНЬ

Вновь природа прощается с летом,
Умывает нас осень дождем.
В краски яркие роща одета,
Мы по золоту листьев идем.
Не слышны соловьиные трели,
И не шелкает кнут пастуха.
Там, где летом луга зеленели,
Пожелтела, завяла трава.
Опустели осенние нивы,
Лужи скованы льдистым стеклом.
Улетающий клин журавлиный
На прощанье махнул нам крылом.
Но в затянутом тучами небе
В непогоду, в дожди, в неуют
Про прекрасную быль и про небыль
Нам осенние ветры поют.

НАЙДИ СВОЙ ПУТЬ

Минус тридцать,
На улице зимняя ночь,
Лютый холод вползает
К тебе под одежду.
Можно все потерять,
И не все превозмочь,
Но нельзя потерять
Веру, честь и надежду.
Много в мире путей,
Много в мире дорог,
И окольных тропинок
Немыслимо много.
Где хотелось пройти —
Почему-то не смог,
И идешь по чужой,
По ненужной дороге.
Ты идешь и не видишь
Конечную цель,
Покоряешь зачем-то
Чужую вершину.
И не в силах свернуть
Или спрятаться в тень.
К счастью, ты человек,
Не стальная машина.
Где-то рядом твой путь,
Где-то рядом твой рок,
Ошибаются все,
Идеальны лишь боги.
Ты обязан пройти,
Где хотел, но не смог...
Не иди по чужой,
Хоть и лучшей, дороге.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Наш постоянный автор, дважды лауреат (в жанрах поэзии и литературной публицистики) всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗЯТЬ И ТЕСТЬ

Если злая судьба,
что же делать теперь?
Горе не постучалось,
а вышибло дверь.

Плен любимицы
тяжко воспринял старик.
Из широкой груди
рвался жалобный крик.

Только Эд его волей
могучей сдержал.
Крепко сжав кулаки,
лишь суровее стал.

Он и храбр, и при нем
полководческий ум,
Но куда же деваться
от горестных дум?

«Я воюю с врагом,
не слезая с коня,
И при жизни Великим
считают меня.

Пишет Рим, я достоин
божественных кущ...
Может, я и велик,
только не всемогущ:

Дочь не в силах вернуть.
Путь несчастной во мгле,
А отец — не волшебник
на этой земле...»

Промелькнула надежда:
а может, за дочь
щедрый выкуп послать?..
Но — иллюзии прочь...

Ах, зачем так прекрасна,
голубушка, ты,
если гибель тебе
от твоей красоты...

Стиснув зубы, он снова
бросается в бой,
чтоб арабам воздать
за разор и разбой.

Но не много ль врагов
Сатана навертел?
Давит с юга Мунуза,
с востока — Мартелл.

Отступая, сражался
несчастный отец..
Как-то к ночи примчался
арабский гонец.

Он с поклоном вручил
от Мунузы письмо.
Аквитанца, как гром,
поразило оно!

Эд не верил глазам:
от Лампагии весть!
Сам Мунуза писал:
«О, возлюбленный тесть!

Мы вступили с Лампагией
в брак по любви,
так что сыном своим
ты меня назови!

И, коль скоро с тобой
мы в родстве, *машалла*,
То теперь добрым миром
уладим дела.

Войско я отведу,
ибо ты мне не враг,
и здоровье тебе
да подарит Аллах!

Счастье в нашем шатре
от супружеских уз,
и за это тебе
мой привет и союз.

Пусть твой враг будет мой,
а мой так же твоим.
Так мы вместе с тобою
врагов победим».

И приписка Лампагии:
«Милый отец!
У несчастий бывает
счастливый конец.

На коленях тебя
о прощенье молю.
Да, Утман мой супруг,
и его я люблю!»

Озадаченный герцог
не знал, что сказать.
Что еще за гримаса
судьбы? Что за зять?!

Не бывало на свете
таких параной:
стала герцога дочь —
мусульманской женой?!

Как посмотрит на этот
конфуз Ватикан:
был поборник Христа,
ныне — друг мусульман?!

Вся Европа поднимет
убийственный крик:
мол, продался арабам
и спятил старик...

Но, подумав, вздохнул
через пару минут:
«Пусть себе покричат.
Поостынут — поймут.

Ну, а кто не поймет...
Что же... Бог их прости...
Жизнь достойно прожить —
не ручей перейти...».

Счастье наших детей!
Что на свете ценней?
Эд желал счастья дочери,
думал о ней.

Ну и что ж, что араб?
Если любит — пускай.
Кто сказал, за любовь
не положен нам рай?

Разве к людям в душе
был жестоким Христос?
Разве с сердцем Своим
не любовь Он нам нес?

Да и случай не тот,
чтобы здесь выбирать:
нависает с востока
мартеллова рать...

АБД АР-РАХМАН ИБН АБДАЛЛАХ

Карл, узнав о таком
положении дел,
и взаправду решил:
«Эд умом оскудел!»

Он не понял отца,
хотя сам был отцом.
Посчитал Аквитанца
тогда подлецом,

проклиная его
неуживчивый нрав.
Впрочем, может, Мартелл
был не так уж неправ?

Как еще расценить
можно сговор с врагом?
Как о нем говорить?
Как о деле благом?

Разве с маврами вместе
на братьев идти —
это честь?! Да бесчестнее
нету пути!

Гневно бросил Мартелл:
«Покарай его Бог!»
И в сердцах город Бурж
в Аквитании сжег.

Эд взъярился в ответ,
снова город отбил.
Только зять на подмогу
к нему не спешил.

Почему он не шел?
Да не мог он тогда:
у Мунузы своя
приключилась беда.

Недруг был у него,
как у Эда Мартелл.

Этот недруг испанской
землею владел:

от халифа на это
имелся фирман.
Звали этого недруга
Абд ар-Рахман.

Он порядок навел,
успокоил страну
и во имя *Пророка*
замыслил войну,

чтобы дальше
зеленое знамя нести
и под ним по Европе
с *Кораном* пройти.

«А не примет Коран —
так огнем и мечом
всем народам ее
объясню, что по чем.

И солдатам ислама
нельзя без войны:
разленятся и станут
к боям негодны.

Их ведь надо еще и
кормить-ублажать,
а иначе возропщет
железная рать.

Нет, пусть лучше голодных
накормит война,
а храбрейшим богатства
добавит она.

В рай погибших за веру —
да примет Аллах!»—
Думал Абд ар-Рахман,
он же ибн Абдаллах.

И приводятся
в боеготовность полки.
Запасаются стрелами,
точат клинки.

Объезжают коней,
снаряжают обоз...
Будет в Галлии море
и крови, и
слез!

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

БЕЛЫМ-БЕЛО

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

...А мне приснился первый снег —
такой смущенный,
угловатый,
как в мир пришедший человек,
уже проживший жизнь когда-то,

как происшествие — само,
и неуместность,
о которой
молчат, когда не все равно,
когда излишне разговоры...

...И наступал в ту ночь четверг,
не чистый,
но...
кристально-белый.
И все вобрал в себя тот снег,
все, что еще не отболело,

и не забылось,
не ушло,
из глаз вдали еще не скрылось...
За что — мне снился он?
За что?
Как стала сном его светимость?

И двор был бел,
как бел сусек.
И белой делалась застреха.
Как был похож тот первый снег
своей судьбой на человека! —

Своей нетронутой судьбой.
Своей судьбой — новорожденной.

Нет,
нет,
он снег, он не святой,
всего лишь — шел когда-то — он же!

...Но было то, что умолчать
и скрыть за ночью невозможно...
И было видно в мелочах
его движений:
он же.
Он же...

* * *

Те просветы — на небе — высокие —
не вернет мне декабрь,
хоть дерись.
Но,
сливаясь невидимо с окнами,
загорелся свечой декабрист.

Эти в розовых блестках подсвечники,
эти искры бенгальских огней —
не красивы настоль,
сколь доверчивы
те соцветия к сумраку дней.

Как среди ледяного смятения,
как в такой ледяной полумгле
вы взрываетесь светом, растения? —
Расскажите, пожалуйста, мне.

...А желаний — в мешок не уместятся,
не уместятся даже и в два...
Золотое сечение месяца,
и дорога к мечте — изо льда...
Что мне хлопоты —
предновогодние?
Что мне сны, коль они не сбылись? —
Над любимыми моими невзгодами
обсыпленно цветет декабрист,

многослойно цветет,
многоярусно,
будто в сказочной дымке Земля.
А на улице — падают градусы
и все ниже и ниже нуля.

И теперь на планету —
неделями,
так как мой декабрист не задуть,
затяжными,
косыми метелями
будет с неба сходить млечный путь.

* * *

Мороженые яблоки
на ветках — высоко,
как будто дышат зяблики
невидимой тоской,—
оранжевые головы,
зеленые бока;
как будто грезят голуби
мечтой об облаках.

Как будто птичье перышко,
сорвавшееся вниз,
посланием из прошлого
последний мерзлый лист,
и с веток сыплет — тооненько —
не щебет,
но почти —
как будто бы антоновка
по-птичьему кричит.

...Не падайте,
не падайте —
смотрите вечно вверх.
Вы в памяти,
вы в памяти
кто видел вас — у всех.
Пусть крылья ваши спрятаны
в неведанный зенит,
в саду, как будто, —
яблони
поют среди зимы —

так звонко,
так заливисто,
настойчиво,
светло.
Но грусть,
нет, нет —
и выльется
потокотом птичьих слов...
И только ветви ломаются
от этих небылиц.
И я — стою — виновница,
не снявшая тех птиц.

* * *

Над соснами,
на высоте,
примерно, десять тысяч метров —
и рев,
и рокот —

звуки все,
как стоны самых разных спектров.

Среди звенящей тишины,
среди морозного убранства
кому шумы разрешены?
Кому
нарушить сон
удастся?

Едва исчезнет прежний звук,
как песня слышится — слепая, —
стальные птицы, будто, с рук —
незримых,
призрачных —
слетают,
и, набирая высоту,
кричат — протяжно,
монотонно,
и весть — тревожную —
несут
о неразлюбленном,
о ком-то.

...Посмотришь вверх —
там — наверху,
с пятирублевую монету,
стальные птицы, — раз — махнут
крылом — блестящим —
чуть заметно.
А здесь — внизу —
да нет, не скит,
не монастырь,
не пустынь тоже.
Но снег — нехоженный — скрипит
на все лады, какие можно!

И тепел дом.
И синевой
огня в камине вечер скрашен.
Но снова чувствуешь спиной
хождение маетных мурашек.

И стон.
Опять.
Тоскливый стон.
И крылья вновь засеребрили.
И тайна стона —
как синдром
тайги,
дремучести,
Сибири.

Как чудачки лоб расшибут,
молясь за всех,
так я тревожусь
и снова меряю маршрут
своей зимы на протяженность.

* * *

Когда появляется эта —
морозная — сказка на окнах,
когда укрывается ветка
затейливым тюлем — в оборках;

когда прорезаются крылья
снежинок из белой салфетки,
и бабочек — зимних — засилье
порхает в квартире соседки;

когда желтогрудые почки
синиц
набухают на вербе,
когда той — единственной — ночью
сбывается чудом поверье;

когда новогодняя елка
на улицу смотрит из дома,
и сердце — нет, нет, да и екнет
от радости —
это знакомо?!

И снова — еще одним — шансом —
желать можно все,
без запрета,
и месяц в бокале с шампанским
купнется
и выскользнет в небо,

а в небе — созвездья сверкали
всегда алгоритмам согласно...
Но жизненных свечек спирали
когда-нибудь все же погаснут...

Поэтому:
если
от года
осталось не больше недели —
все то, что для счастья негодно,
оставь в позапрошлом—
не медли!

Людмила Авдеева
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

НЕ СТАНЕТ СЕРДЦЕ ЛГАТЬ РОССИИ

Не станет сердце лгать России,
Как матери не станет лгать.
Мне только бы набраться силы,
Успеть всю правду рассказать.
Я — часть своей большой эпохи.
И я — Вселенной этой часть.
Собрав всю жизнь свою по крохам,
Земле любимой честь отдать
Смогу строкой, своей Любовью,
Надеждой, Верой. Я за Русь,
Коль будет надо, даже кровью
На поле снежном распишусь.

* * *

Забвенья реки есть и реки славы,
И реки откровения души.
Но не меняй коней у переправы.
С друзьями расставаться не спеши.

И не меняй свой край родной, Отчизну
На край чужой, без песен соловья.
Там, где родился, воздух самый чистый
И плодородна матушка-земля.

Ведь только здесь, у отчего порога,
И это знаешь ты наверняка,
Тебя ждет мать, молясь усердно Богу
За возвращенье блудного сынка.

* * *

Дела, поездки, разговоры...
Нет времени, чтоб оглядеться
И на природу бросить взоры,
И вспомнить юность, вспомнит детство.

Связь пустозвонства с суетою
Лишает нашу душу света,
Лишает счастья и покоя
Не только нас, а всю Планету.

А ведь, наверное, не сложно
Задуматься, какой дорогой
Идти всем вместе к ярким звездам,
Исполнив заповеди Бога.

У ЖИЗНИ НЕТ КОНЦА

Кто сказал, что смерть — это конец.
Сон — брат смерти, а сестра — разлука.
Все продумал мудро наш Творец,
Чтоб мы снова встретили друг друга.

Мы сыграем каждый свою роль
И уйдем, как в театре, за кулисы,
Унося с собой печаль и боль,
Радость, предначертанную свыше.

Мы уйдем, впадая в вечный сон.
Позовет нас вечная разлука.
Может, станет наш последний стон
В шуме ветра незаметным звуком.

Смерть не вызывает страх в душе,
Раз душа дарована нам Богом.
Словно воду в золотом ковше,
Истину возьмем с собой в дорогу.

Истину, что жили мы не зря,
Хотя, может, жили мы и мало.
Встретит нас как матушка Земля.
Небеса прикроют покрывалом.

Солнце, ветер, снег или дожди
Нас проводят в дальнюю дорогу.
Нет конца у жизни, просто мы
Из гостей вернемся снова к Богу.

Сергей Филиппов
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

* * *

Так время незаметно тает,
Что человек, прожив свой век,
В конце лишь с грустью замечает
Его неутомимый бег.

Что, по сравнению с днем вчерашним,
Вокруг не та уже среда,
И вместо нив, полей и пашни
Встают впритирку города.

Машины мчатся вереницей
По автострадам в три ряда.
Что свежий воздух — по крупицам,
А в кране — грязная вода.

Что разгибать, вставая, спину,
Все тяжелее каждый год.
Что резко изменился климат,
И хлеб на вкус уже не тот.

Что, как и прежде, жить для тела,
И вечно что-нибудь прося
У Бога, глупо, но поделать
При этом ничего нельзя.

* * *

Нас каждого берут в тиски
Аж вплоть до гробовой доски.
Коль захотят, наложат штраф,
Неважно, прав ты иль неправ.
Едва подумаешь, и уж
Ты в поле зрения спецслужб,
И твой мобильный телефон
Стал не помощник, а шпион.

Такая жизнь теперь у нас,
За всеми нужен глаз да глаз.

Чтоб не пошел народ вразнос,
Чтоб кто-то бомбу не пронес.
Не бунтовал. В пример при этом
Приводят «желтые жилеты»
И объясняют нам, мол, вы же
Все не хотите, как в Париже?

Живем, дрожим, боимся, как
Террористических атак
И самых страшных новостей,
Так и давления властей.
И трудно и предположить,
Что во Вселенной может быть
Земля — единственный объект,
Где Разум есть? А может, нет?

* * *

Ночь. Пусто, тягостно и грустно.
По улице бреду пешком.
Фонарь горит, но как-то тускло.
Аптека где-то за углом.
Вновь, хоть прошло уж больше века:
«Ночь, улица, фонарь, аптека».

Столетье прожитое зря.
Что изменилось в новом веке?
Всем также все «до фонаря»,
И это «точно, как в аптеке».
«Исхода нет», и прав был Блок,
Всю жизнь вместивший в восемь строк.

* * *

Как снизить темп? Как минимум — раз в десять?
Вновь ощутить «зеленую тоску»?
В Москву из Петербурга ехать месяц?
Полдня из Переделкино в Москву?

На ранних поездах, а не по пробкам,
Сверя с навигатором маршрут.
Все делать «с чувством, с толком, с расстановкой»
И не жалеть потерянных минут.

Боимся опоздать и вновь промешкать.
Куда-то вечно рвемся, а зачем?
Кому нужна, скажите, эта спешка?
Весь этот бесконечно-бурный темп?

Знакомые, приятели, коллеги
Мелькают, суетятся, мельтешат.
И каждый, будь то Ленский или Онегин,
Торопятся и чувствовать спешат.

* * *

Свобода — спорное понятие.
Пора внушить себе, пора:
Игра в свободу, демократию
Довольно вредная игра.

Мне, например, давно уж ясно,
Как таковой, свободы нет.
Свободомыслие опасно,
Свобода слова — просто бред.

И я, друзья мои, доволен
Тем, что свободен от идей
Ее достичь, и несвободен
От близких и родных людей.

Как все, я вырос в несвободе,
Ей присягал и ей служу.
Она уже в моей природе,
Я ей, как жизнью, дорожу.

Ее, не бог какие, всходы
Готов покорно пожинать,
И вам — рабам своей свободы,
Меня до гроба не понять.

Анатолий Белинский
(г. Москва)

Анатолий Белинский родился в 1944 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Ростове-на-Дону. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по специальности «художник-конструктор». Почти сорок лет проработал в бюро технической эстетики в разных НИИ, одновременно занимаясь пейзажной и портретной живописью. Живет в Москве. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в литературных альманахах и журналах. Дипломант Международной поэтической премии «Образ». Автор книги стихов «Мелодии Нескучного сада», вышедшей в московском издательстве «Образ» в 2020 году.

НА ПЛЕНЭРЕ

Павлу Белинскому

На пленэре в любую погоду
Я рисую нехитрый пейзаж:
Низкий мостик и темную воду,
Старый тополь и старый гараж.

Старый город над древней рекою,
Старый дом в летаргическом сне
Переулкa — с зеленой тоскою
Старомодных гераней в окне.

Не подвержен процессам старенья,
Всеми брошен и всеми забыт,
Я своим же люблюсь твореньем,
И я сам по себе знаменит.

Не часы, не минуты, а годы —
Да простит мне Господь эту блажь! —
На пленэре в любую погоду
Я рисую все тот же пейзаж.

ОСЕНЬЮ

Мне по душе лесов убранство
И пестрых дней веретено.

Вновь просветленное пространство
Пьянит, как старое вино.

Душа тоскует о зеленом
И, растворяясь в голубом,
Уходит ввысь зажженным кленом,
Забыв о бремени земном.

КЛЕН

Я метался всю ночь, как в бреду:
Снилось мне — меня будто убили.
А наутро пришли и срубили
Клен-красавец у дома в саду.

Плакал сын, я его утешал,
Мол, тот клен всем давно уж мешал:
Он разросся, он света лишал
Тех соседей, что снизу...
Но предательски ныла душа,
Стыла кровь и звенело в ушах,
Словно вором прошел по карнизу.

ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ

Еще не все мной песни спеты,
Еще идти мне и идти
И крест безвестного поэта
До самой старости нести.
Слагать нехитрые куплеты,
Чужие пестовать следы.
Творить добро. И быть при этом
Всего лишь отраженным светом
Недосягаемой звезды.

НЕПРОСТО

И жил я непросто,
И видел я мало:
Сноровки и денег
На все не хватало.

За модой не гнался,
С жильем не дружил.
Вином и хандрою
Порою грешил.

И странное дело:
Чем было труднее,
Тем кисточку пальцы
Сжимали сильнее,

Тем за полночь чаще
Скрипело перо,
Тем легче писалось,
Чем меньше везло.

ЗВЕЗДА

Звезда полуночной тревоги
В остылом мраке воскресит
Мои кремнистые дороги,
Мои тернистые пути.

Звезда пустующих причалов,
Звезда лесов, звезда полей...
Меня носило и качало
На крыльях юности моей.

Душа мятежная просила
Красот каких-то неземных.
Ну а вокруг была Россия,
И видов не было иных.

А за окном — поля и рощи,
Зарниц багряные хвосты...
Живи себе — чего же проще!
Нет в мире лучше красоты.

Но негасимая, как прежде,
Звала, далекая, как бог,
С неодолимостью нездешней
Звезда дорог, звезда тревог...

Да и сейчас, в сетях уюта
Познав степенность и покой,
Я различаю все же смутно
Ее луч света золотой.

